

ГЛАВА 1

«Ах, лето красное, любил бы я тебя, когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи». Так сказал классик русской литературы и поэзии Александр Сергеевич Пушкин. И я с ним полностью согласна. Впрочем, от комаров и мух еще можно как-то отбиться, а вот от нестерпимого зноя.... Конечно, существует такое чудо бытовой техники, как кондиционер, но все лето под ним не просидишь. А если учесть, что мне как раз в эту пору пришлось расследовать одно весьма запутанное преступление, то жарко мне было вдвойне, если не втройне.

Но, слава богу, расследование то я благополучно завершила и уже успела прийти в себя, а также встретиться со своими подругами Ленкой-француженкой и Светкой-парикмахершей. Мы несколько раз пересеклись и славно посидели в кафе. Я также совершила пару удачных набегов на бутики модной одежды, благо мой клиент заплатил за расследование более чем щедро. Но деньги имеют одно очень неприятное свойст-

во: они очень быстро заканчиваются. Конечно, у тех, кто привык экономить или хотя бы не разбрасываться деньгами попусту, они покидают хозяев не так быстро. Но я не отношусь к числу бережливых. Поэтому в последние дни я ловила себя на мысли, что стала чаще прислушиваться к телефонным звонкам в надежде, что вот сейчас я подниму трубку, и взволнованный мужской или женский голос попросит помощи. Но таких звонков пока не было.

Я открыла холодильник: да, не густо. Наверное, уже пора отправиться в какой-нибудь супермаркет и закупиться. Но... Лучше я это сделаю, когда объявится клиент.

У меня уже сложилась такая практика, что необходимость совершать тотальные продуктовые закупки у меня наступает именно тогда, когда я получаю заказ на расследование. Это уже стало своеобразной традицией. Не буду от нее отступать и сейчас. Тем более что продуктов еще хватит... ну, на пару-тройку дней их еще точно хватит. Самое главное, что есть запас кофе — моего самого любимого напитка — и сигарет.

В это самое время, когда я проводила ревизию холодильника, затрещал телефон. Я обрадованно схватила трубку.

— Да, алло, — сказала я.

— Тань, — раздался голос Светки-парикмахерши, — ты уже проснулась?

— Обижает, Свет, — немного разочарованно произнесла я, поскольку рассчитывала услышать потенциального заказчика расследования, —

что же я, по-твоему, способна дрыхнуть до полудня?

Вообще-то такой режим был мне не чужд. Но только в тех случаях, когда я была донельзя вымотана.

— Тань, я чего тебе звоню-то, — продолжала Светка, — вот мы уже посидели в кафешках, позагорали на пляже. А как насчет культурной программы?

— Да я, Свет, только «за», — отозвалась я.

— Ну, вот и славненько, — обрадованно произнесла подруга. — Значит, так, в запасе у тебя полдня, для того чтобы подготовиться к торжественному выходу.

— К торжественному выходу? А куда? — поинтересовалась я. — В высший свет?

— Да, — подтвердила подруга, — вечером мы с тобой идем на «Принцессу цирка». Моя постоянная клиентка, она же репетитор балетной труппы Покровского театра музыкальной комедии, дала мне два билета на сегодняшний спектакль. Ду ю андэрстэнд?

— Дую, но плохо, — ответила я.

Кажется, это были слова какого-то опереточного героя. Только вот какого? Может быть, из этой самой «Принцессы цирка»? Ладно, разберемся и попутно освежим в памяти музыкальный шедевр.

— Э-э, Тань, ты чего это? — забеспокоилась Светка. — Не хочешь, что ли, культурно развлечься?

— Да нет, Свет, ну что ты, — успокоила я ее, — просто вспомнила, что в какой-то оперетте был

такой вот диалог. Только вот, в какой именно, не могу вспомнить.

— Вот, поэтому и надо почаще посещать храм искусства, — назидательно сказала подруга. — Короче, до вечера.

Времени до вечера было достаточно, так что я успела выбрать вечернее платье из лилового шелка, черные туфли-лодочки на шпильках и сумочку-клатч. Повертевшись перед зеркалом, я осталась довольна своим видом.

Да, гениальная музыка Кальмана еще раз доказала, что «Принцесса цирка» по праву является одной из жемчужин мировой музыкальной классики. Выразительные мизансцены, непринужденные переходы от прозаических диалогов к пению и танцам, и, конечно же, захватывающая история взаимоотношений главных героев — таинственного «Мистера Икса» и великосветской дамы — все это впечатляло.

В антракте мы со Светкой неспешно прогуливались по фойе и разглядывали фотографии актеров.

— Добрый вечер, — к нам подошла худощавая, невысокого роста женщина лет тридцати пяти в джинсах и жакете.

Я обратила внимание на перламутровые пуговицы. Было видно, что пуговицы дизайнерской работы. Но и сам жакет привлекал внимание. Слегка приталенный, трехцветный, с чередованием черных, белых и желтых полос, и к тому же с эффектом вытянутых петель. Очень интересно и неизбито.

— О, Маргарита, — откликнулась Светка, — добрый вечер. Тань, это Маргарита Павловна Старожилова, репетитор балетной труппы театра, помнишь, я тебе говорила?

— Ох, Светлана, ну зачем же вы так официально? — покачала головой Маргарита. — Можно подумать, что я уже древняя старуха.

— Да нет, ну что вы, — смутилась Светка. — Маргарита, это моя подруга Татьяна, — представила меня Светка.

— Очень приятно, — сказала Маргарита, слегка наклонив блондинистую голову со стильной стрижкой.

Ну да, Светка постаралась на славу, придав тонким и жидким волосам репетитора очень даже приличный вид. А ведь эта репетиторша чем-то то ли огорчена, то ли озабочена. Это состояние ясно было написано на ее невзрачном, с мелкими чертами лице.

— Мне тоже очень приятно, Маргарита, — сказала я.

— Ну, как вам спектакль? — спросила Маргарита.

— Ой, все потрясающе! — воскликнула Светка. — Мне особенно понравился «Танец со змеей», ваша, Маргарита, ведь работа?

— Моя, — без ложной скромности ответила репетитор и обратилась ко мне: — А вам, Татьяна?

— «Танец со змеей», конечно же, впечатляет, — улыбнулась я, — но знаменитая ария Мистера Икса «Цветы роняют», на мой взгляд, еще больше.

— Да, да, конечно, — скороговоркой завершила нашу беседу Маргарита и, извинившись, ушла.

— Маргарите изменяет ее любовник, — слегка понизив голос, сообщила мне Светка.

— Да? Вы с ней такие подруги, что она делится с тобой своими сердечными делами? — спросила я.

— Тань, ты что, ревнуешь, что ли? — Светка внимательно посмотрела на меня.

— Да нет, конечно, с чего ты взяла? — я пожалала плечами. — Просто интересно.

— Ну, подругой я ее назвать не могу, она — моя клиентка. Но, знаешь, Тань, все ведь в жизни бывает. Иной раз необходимо кому-то выговориться. И не всегда для этой цели подходят родственники или подруги. Понимаешь, сестра или мама могут высказать свою точку зрения, но она может не всегда устроить. Или же человеку не нужны никакие советы, ему нужно, чтобы его просто выслушали и все. Вот для такой цели как нельзя лучше подходит стилист, или мастер маникюра, или портниха.

— Ясно-понятно. Значит, ты, Светик, выполняешь функцию исповедника, — резюмировала я.

— Ну, вроде того, — согласилась подруга.

После окончания спектакля мы со Светкой обменялись впечатлениями, сойдясь во мнении, что оперетта зарядила позитивными эмоциями и подарила праздник, и разошлись по домам.

Прошло еще два дня. Меня уже всерьез начало беспокоить мое затянувшееся безделье и отсутствие заказов на расследование. И вот наконец-то

рано утром прозвучал долгожданный телефонный звонок.

— Да, — немного хриплым спросонок голосом отозвалась я.

— Мне нужна Татьяна Александровна Иванова, — сообщил взволнованный женский голос.

— Я Татьяна Александровна, — подтвердила я, — я вас слушаю.

— Татьяна Александровна, меня зовут Екатерина Григорьевна Нерасстроева. У меня большое горе — убит мой старший брат. Помогите, пожалуйста.

— Давайте с вами встретимся, — предложила я, — потому что по телефону такие вопросы не решаются, вы согласны?

— Да, конечно, — ответила Екатерина, — просто я очень волнуюсь, и я... совершенно раздавлена гибелью брата. У меня есть ваш адрес, когда можно будет подъехать?

— Приезжайте прямо сейчас, — ответила я и отключилась.

До приезда Нерасстроевой я успела быстро принять душ, переодеться и причесаться. Убраться в гостиной я не стала, потому что еще вчера вечером привела все в порядок.

Услышав звонок в дверь, я быстро подошла и открыла. На пороге стояла молодая темноволосая женщина в элегантном брючном костюме цвета бирюзы. На вид ей можно было дать лет тридцать-тридцать три.

— Я Екатерина, — сказала женщина, — я вам только что звонила.

— Да, да, проходите, пожалуйста, — пригласила я ее.

Я проводила Екатерину в гостиную и усадила на диван, а сама расположилась в своем любимом кресле.

— Я вас слушаю, Екатерина Григорьевна, — сказала я.

— Татьяна Александровна, как я уже сказала по телефону, моего старшего брата убили выстрелом в грудь. И я очень вас прошу найти того, кто это сделал, найти преступника, — тут голос Екатерины дрогнул.

— А что, разве полиция не занимается его поиском? — спросила я.

— Занимается... вроде бы, но мне сразу сказали, что улик нет, и что... — Нерасстроенная махнула рукой. — В общем, это может затянуться на неопределенное время. А я прилетела из Питера, я сейчас там живу, у меня собственный бизнес, — пояснила женщина. — И я честно скажу: не надеюсь я на то, что полиция найдет преступника. Ну, то есть искать-то они, конечно, будут, но вот насчет результата... тут я очень сомневаюсь.

— Понятно, — сказала я, — но все-таки, прежде чем я дам свое согласие на расследование преступления, мне необходимо узнать некоторые подробности. Прежде всего скажите, как зовут вашего брата, чем он занимался и где он был убит?

— Брата зовут... звали Владислав Григорьевич Дубовицкий, он — директор Покровского театра музыкальной комедии... был. Как выяснило следствие, он был убит выстрелом в грудь в теа-

тре, у себя в кабинете. Труп обнаружила вахтерша. Вот, собственно, и все, что мне известно.

— А вы давно живете в Санкт-Петербурге? И как тесно вы общались с братом? — задала я следующий вопрос.

— В детстве мы были очень дружны, несмотря на разницу в возрасте. Владик старше меня на пятнадцать лет. Наши родители погибли в горах во время туристической поездки, и воспитывала нас бабушка, мама папы. Но сейчас и ее уже тоже нет. А Владик все время опекал меня, а впоследствии и помогал материально.

— У вашего брата есть семья, дети?

— Нет, детей у него не было, хотя он был женат, правда, недолго. Но вскоре они с супругой разошлись, она уехала в Австрию и там вышла замуж.

— Понятно. Но ведь ваш брат был еще совсем не старым мужчиной. — Банальная математика, могу я сказать. У покойного директора театра с сестрой разница в возрасте 15 лет, о чем она мне и сказала. Ей от силы... пусть тридцать пять, ему было около пятидесяти. И впрямь молодой еще. — Я имею в виду то, что, возможно, у него были какие-то отношения с женщинами. Вам, Екатерина, что-нибудь об этом известно?

— Конкретного ничего не могу сказать по этому поводу, — призналась женщина. — Видите ли, мы никогда не обсуждали с Владиславом его личную жизнь, так уж повелось. Но, я думаю, что женщины у него были. Опять же, насчет того, были ли это постоянные отношения или крат-

ковременные романы, тоже ничего определенного сказать не могу. Я была у него в квартире. Так вот, ничего такого, что выдавало бы присутствие женщины, я там не обнаружила.

«Ну, это еще ни о чем не говорит, — подумала я, — Дубовицкий мог уже и расстаться с очередной дамой сердца. А новую еще не успел привести. Вот поэтому Екатерина и не увидела в квартире никаких женских вещичек... Стало быть, директор театра жил один, без жены, детей и прочих родственников».

— Скажите, Екатерина, а были ли у вашего брата враги? — спросила я без особой, впрочем, надежды на получение полезной информации. Старший брат с опекаемой сестренкой вряд ли будет делиться проблемами, а с учетом того, что она постоянно живет в другом городе...

— Враги? — недоуменно переспросила женщина. — Но почему вы об этом спрашиваете?

— Но ведь просто так убийство не совершают, возможно, ваш брат кому-то, что называется, перешел дорогу, — объяснила я.

— Не знаю, что и сказать. Мы ведь с Владиком последние годы жили отдельно. Он — в Тарасове, а я — в Питере. Но ничего такого, о чем вы говорите, как будто бы не было. Во всяком случае, брат мне не рассказывал о своих проблемах. Да и вообще... вы знаете, Владик был очень добрым, отзывчивым человеком. Вряд ли он мог кому-то досадить до такой степени, что...

«Ну, отзывчивым он мог быть только по отношению к сестре, — подумала я, — и не факт, что

и к остальным тоже. К тому же нужно учесть, что это — театральная среда. А в ней, как известно, порой кипят такие страсти, такие эмоции, которые не снились даже самому Шекспиру. Каждый считает себя звездой первой величины, а к другим нередко испытывает негатив. Нельзя сбрасывать со счетов и такое чувство, как зависть. Поэтому вполне возможно, что добрый и отзывчивый Владислав Дубовицкий мог очень сильно обидеть кого-то из театральной труппы. И вот — результат налицо. Эту версию надо будет обязательно проверить... если я вообще возьмусь за расследование. А еще... Кто-то мог попытаться «подсидеть» директора театра. Возможен и другой вариант — с чиновниками что-то не поделил. В общем, Управление культуры тоже надо бы проверить».

— Так что же, Татьяна Александровна, возьметесь за это расследование? — оторвала меня от размышлений Екатерина Нерасстроева.

Женщина с мольбой посмотрела на меня.

— Я знаю ваши расценки и уже приготовила аванс.

Екатерина вынула из черной сумочки пачку денег и положила купюры на стол.

— Хорошо, я согласна, — ответила я. В самом деле, и человеку помогу, и собственное материальное положение поправлю. — Давайте обменяемся координатами. Вот моя визитка, здесь есть, помимо домашнего, и сотовый номер.

Екатерина, в свою очередь, оставила мне номер своего мобильного телефона и адрес гостиницы, в которой она остановилась.

— В гостинице? — слегка удивилась я, записав информацию в блокнот. — Почему не в квартире брата? Его ведь не там убили...

— Таня, понимаете, я и раньше... когда Владислав жив был... приезжала в Тарасов, останавливаться предпочитала в гостинице. И его своим присутствием не утомляла, и сама свободна в передвижениях, — слегка пожалала плечами моя теперь уже клиентка. — А теперь... и вообще невозможно там находиться — такая пустота кругом...

И эта ее тирада навела меня на следующий вопрос.

— Екатерина, скажите, кто унаследует квартиру после смерти вашего брата? Вы говорили, детей у него не было... — действительно, и как же я раньше не спросила? Между прочим, по статистике, преступления ради наследства — в первой тройке.

Женщина растерянно моргнула:

— Знаете, я и не задумывалась. Не знаю, оставил ли Владик завещание вообще — все-таки он молодой... был, о смерти и не задумывался. Но если завещания нет, скорее всего, я наследница. С женой они давно развелись, детей у брата не было... — она замолчала, задумавшись, и вдруг всплеснула руками: — Тань, вы же не думаете, что это я... Я и не могла... в Питере была, дома.

Я попыталась сказать, что и не собиралась ее подозревать, но не успела.

— Слушайте, а ведь поэтому меня в полиции расспрашивали очень долго и как-то... въедливо,

что ли, — зачастила Екатерина. — Спрашивали, когда я приехала, хотя сами же со мной связались. Интересовались нашими с Владиком отношениями. Ну и...

Я сочувственно покивала: знаю, как наши блестящие служители закона могут на нервах играть.

Мы с Екатериной составили договор, и она ушла. А я уже по привычке отправилась в спальню и достала из замшевого мешочка свои додекаэдры.

Гадать на «костях», перед тем как браться за новое дело, уже стало для меня своеобразной традицией. Теперь необходимо сосредоточиться, мысленно задать «костям» интересующий меня вопрос и метнуть двенадцатигранники.

Вопрос у меня, конечно, был один: чего мне ожидать от предстоящего расследования. Посмотрев на образовавшуюся комбинацию чисел, я поняла, что «звезды» мне благоприятствуют и что расследование завершится успешно.

Снова спрятав додекаэдры в мешочек, я отправилась на кухню. Начинать расследование на пустой желудок не дело. Поэтому я быстро пожарила яичницу с ветчиной и нарезала к ней огурцы и помидоры. Завтрак я завершила чашечкой ароматного кофе.

«Так, теперь надо будет навеститься к Кирьянову, — подумала я, — наверняка это дело об убийстве находится в его ведении. А если и нет — с его помощью все равно удастся какой-никакой информацией разжиться».

Но сначала не мешало бы позвонить полковнику: ведь его часто вызывают, можно и не застать на месте.

Я набрала номер.

— Алло, — раздался в трубке знакомый голос. — Кирьянов слушает.

— Привет, Володь. Это я, Татьяна.

— О, Таня! — обрадованно воскликнул Владимир. — Рад тебя слышать. Ты по делу или просто решила вспомнить старого друга?

— И то и другое, — ответила я. — Конечно, Володь, я рада поговорить с тобой, что называется, за жизнь. Но не буду скрывать: сегодня ко мне пришла клиентка с просьбой расследовать убийство ее брата. Она приехала из Питера, потому что в настоящее время там проживает, и, собственно, никаких деталей произошедшего она не знает. Вот поэтому я и хочу все выяснить из первых, так сказать, рук, то есть у тебя.

— Ну так приезжай, о чем разговор, — предложил Кирьянов.

— А ты будешь на месте? Никуда не планируешь отлучиться? — поинтересовалась я.

— Тань, ты что, забыла, что на службе я себе не принадлежу? Могут и вызвать, конечно, — заметил Владимир.

— Тогда я немедленно собираюсь и еду к тебе, — пообещала я.

— Давай. До встречи.

Я действительно собралась на редкость быстро, обычно у меня на это уходит гораздо больше времени. Я надела белую футболку и голубые

джинсы, потом нанесла легкий макияж, уложила волосы на макушке и, перекинув через плечо сумку, спустилась во двор. Спустилась несколько минут я уже ехала в своей машине к Управлению полиции, где работал Кирьянов.

— Проходи, Тань, — пригласил Владимир. — Ну, что там у тебя? Или, точнее сказать, кто?

— Дубовицкий Владислав Григорьевич, — ответила я, садясь напротив Кирьянова. — Знакомое сочетание?

— Еще бы. Это директор Покровского театра музыкальной комедии.

— Да, точно так. Сестра убитого рассказала, что его обнаружили в его же собственном кабинете в театре. Убит он был выстрелом в грудь. Это так, Володь? — спросила я.

— То, что он был застрелен, это так, — подтвердил Владимир. — Но вот насчет того, был ли Дубовицкий убит у себя в кабинете или где-то в другом месте, тут, Тань, не все так однозначно. Криминалисты над этим сейчас работают. Но... отпечатки пальцев тщательно затерты, следы крови на поверхностях мебели в помещении обнаружены не были.

— Ну то, что пальчики затерты, еще ни о чем не говорит, — пожалала я плечами. — Только ленивый детективов не читает. А там везде написано об отпечатках пальцев. А что с кровью?

— Ранение в верхнюю долю легкого, сама понимаешь, кровь буквально хлестала. Следы остались только на одежде, больше нигде.

— Тело перемещали? — задала я следующий вопрос.

— Тань, предположительно нет. Но...

— Полагаешь, Дубовицкого могли застрелить в другом месте? Ты это, Володь, хочешь сказать?

— Все может быть, — обтекаемо ответил Кириянов.

— Оружие нашли? — спросила я.

— Нет, Тань. Но предположительно, Дубовицкий был застрелен из пистолета марки «Макаров», — сообщил Кириянов.

— Вот как?

— Да. И, скорее всего, преступник забрал пистолет с собой. Во всяком случае, в кабинете пистолета не было. Но это еще не все. Кроме выстрела, Дубовицкого еще и душили, причем уже посмертно. На шее остались характерные следы. Других повреждений на теле обнаружено не было. Так, незначительные царапины и синяки. Смерть наступила примерно часов в одиннадцать ночи.

— Интересно. Удушение — это, что же, наподобие контрольного выстрела, что ли? Чтобы убедиться? Или же что б уж наверняка? А может быть... преступник после выстрела вошел в состояние аффекта? Вот тебе и удушение, — размышляла я вслух. — Как вариант, парочка преступников, решивших покончить с директором в один день, но один успел к шапочному разбору — и, не выдержав разочарования, хоть труп решил придушить.

— Циничная ты, Танюх, — фыркнул Кириянов. Посерьезнел и заметил: — Трудно сказать, к чему там удушение. В этом деле все как-то... —

Кириянов замялся, подыскивая точную формулировку, — не по правилам, что ли. Вот и в его кабинете беспорядок был нешуточный, как будто бы что-то искали. Все перерыто, содержимое полок сброшено на пол.

— А может быть, это всего лишь имитация? Ну устроили бедлам, для того чтобы направить следствие по ложному следу? — высказала я свое предположение.

— И такое вполне возможно, — согласился со мной Владимир.

— Предположения по росту-возрасту убийцы? — В ряде случаев экспертиза дает возможность выяснить угол расположения входного пулевого отверстия. И иногда эта информация может оказаться полезной.

— Нет, откуда? Это же не ножевое. Возможно, появятся позже, когда эксперты вытащат пулю.

— Коллег опрашивали? В театре? Кто-то что-то слышал?

— Работаем над этим, разумеется, — грустно проговорил Кириянов. — Только толку-то? На этаже, где кабинет находится, никого не было — поздно уже, вечер. Никто ничего не видел и не слышал.

— А что с квартирой?

— А что с ней? — пожал плечами приятель. — Осмотрели, конечно. Вдруг его там пристрелили, а потом зачем-то в театр привезли? Никаких следов. Ни-че-го, Тань.

— Соседей Дубовицкого, разумеется, опросили?

— Частично. Некоторые отсутствовали. А может, не хотели открывать. Ну ты сама знаешь, как это бывает, как у нас «любят» полицию.

— Скажи, а сотовый Дубовицкого изъяли? Ведь ему могли звонить.

— Да, телефон мог бы многое прояснить. Но сотового Дубовицкого мы не нашли.

Та-ак, это интересно, особенно с учетом бедлама в кабинете. Искали информацию? Какую? Или контакты? Или преступник забрал телефон, потому что его можно было обнаружить через звонки? Допустим, звонил незадолго до убийства, договаривался о встрече. Но это и так можно сделать, только займет чуть больше времени — достаточно запросить последние вызовы владельца соответствующего номера. О чем я Кире и сказала.

Он покивал с нарочитой серьезностью:

— И что бы мы без тебя, Танюх, делали? Запрос в телефонную компанию уже отправлен, со дня на день ждем распечатку звонков и начнем по ним работать.

— Ты же со мной поделишься, правда? — хлопала глазками я.

Получила согласие и продолжила допрашивать полковника:

— А как насчет камер наблюдения?

— Тань, в доме, где проживал Дубовицкий, камер нет, — ответил Кирьянов. — Такие вот дела.

— Как нет? Такое еще бывает?

— Там обычный дом, не элитный. Никто камерами и не заморачивался, — пожал плечами Кирьянов.

— А в театре?

— Тоже нет, — отрицательно мотнул головой Кирьянов. — Говорят, финансирования недостаточно.

— Да, дела как сажа бела... А к каким выводам пришло следствие?

Киря вздохнул:

— Пока ничего определенного нет. Но однозначно можно сказать, что это — убийство, а не суицид. В общем, очередной «глухарь», я так думаю.

«Ну, понятно, что убийство, — подумала я. — Самоубийцы все больше пулю в череп предпочитают. К тому же пистолета в кабинете не оказалось. Не мог же Дубовицкий выстрелить себе в грудь, а потом избавиться от пистолета.

— А теперь расскажи мне поподробнее, кто и каким образом обнаружил Дубовицкого, — попросила я.

— Вахтерша, Филиппова Варвара Никифоровна, она же и вызвала полицию где-то в шесть часов утра, — ответил Кирьянов.

«Но ведь какие-никакие камеры должны же быть, — подумала я, — ну, хотя бы при входе в театр. А еще — в окрестных магазинах. Ладно, этот вопрос я изучу».

— А что вахтерша делала в театре в такое время? — удивилась я. — У них нет ночного сторожа?

— Танюш, я сам, если честно, в это не влезал. У меня и без того хлопот полон рот. Вроде бы подменяла кого-то. Ребята говорят, тетка вне подозрений. Но ты же все равно будешь с ней разговаривать? Вот и выяснишь.

— Логично, — согласилась я. — Значит, и впрямь прежде всего надо поговорить именно с ней, — задумчиво проговорила я, вставая со стула. — Ладно, я пойду.

— Удачи тебе, Таня, — сказал Владимир.

Я попрощалась с Кирьяновым и вышла из Управления. По дороге в театр я размышляла над фактами, которые мне сообщил Владимир. Странно, почему убитого Владислава Дубовицкого обнаружила вахтерша, а не ночной сторож? Ведь в обязанности вахтера входит дневное дежурство. Или же она пришла на вахту так рано? А что же тогда делал сторож? Но это — не главный вопрос.

Я припарковалась недалеко от театра, на специально выделенной площадке и поднялась по ступенькам.

Справа от главного входа находилась билетная касса. Я подошла к ее окошку.

— Скажите, пожалуйста, — обратилась я к женщине в очках, которая сидела в помещении кассы, — где можно найти Филиппову Варвару Никифоровну?

— Это вам нужно обойти здание и пройти через служебный вход, — объяснила билетерша.

Я вышла и, сделав полукруг, нашла дверь с надписью «Служебный вход». На вахте — в застекленной будке — сидела женщина пенсионного возраста в блузке в мелкий цветочный рисунок.

— Здравствуйте, — обратилась я к ней, — мне нужна Варвара Никифоровна Филиппова. Не подскажите, где ее найти?

— Вот она, вся тут, перед вами, — сказала женщина, слабо улыбнувшись. Выглядела она уставшей и озабоченной.

— Варвара Никифоровна, меня зовут Татьяна Александровна Иванова. Я частный детектив и занимаюсь расследованием убийства директора вашего театра. Мне необходимо с вами поговорить. Где это можно сделать? — спросила я.

Филиппова растерялась.

— Ой, а почему вы ко мне обратились? Ведь у нас начальство остальное, слава богу, еще живо. Вот есть заместитель Владислава Григорьевича, художественный руководитель опять же... Я-то чем могу вам помочь? — недоуменно спросила вахтерша. — Да и в полиции меня уже и так, и эдак расспрашивали, вымоталась вся.

— Ну, как же чем? Ведь это вы первая обнаружили директора, так?

— Ну да, я, — подтвердила Филиппова.

— Ну вот именно поэтому я сначала хочу поговорить с вами. А до заместителя и художественного руководителя очередь еще дойдет. Так где, Варвара Никифоровна, мы сможем поговорить, чтобы нам никто не помешал? — снова спросила я.

Филиппова задумалась.

— Давайте пройдем к нашей заведующей костюмерным цехом, к Зинаиде, там и поговорим, — наконец сказала вахтерша.

— Давайте пройдем, — согласилась я.

— Сейчас я только попрошу кого-нибудь подменить меня на вахте, — сказала Филиппова и скрылась в коридоре.

Минут через пять она вернулась в сопровождении мужчины примерно ее возраста. Он сел на место Варвары Никифоровны, а мы с ней отправились в костюмерный цех.

Мы с Варварой Никифоровной долго шли по длинному нескончаемому коридору, потом завернули направо, и Филиппова остановилась перед дверью, на которой было написано «Костюмерная». Женщина постучала и, не дожидаясь ответа, толкнула дверь вперед. Я увидела просторное помещение, в котором стояли большие столы с наваленными на них тюками ткани. Чуть поодаль находились вешалки-кронштейны с уже готовой одеждой. В одном из углов стоял небольшой стол, накрытый кружевной скатертью. На столе находились чашка, пачка чая «Гринфилд» и электрический чайник. Рядом со столом стояли два стула, а еще дальше — кресло, тоже заваленное кусками ткани.

— Ой, Варвара, это ты, что ли? — Из-за одной стойки с одеждой выглянула немолодая женщина в цветастом платье. — Да ты не одна, я смотрю.

— Вот, Зина, познакомься. Это Татьяна Александровна, частный детектив, — отрекомендовала она меня, — будет искать того, кто убил Владислава Григорьевича.

— Да разве ж его найдешь? — вздохнула Зинаида и вышла на свободное от кронштейнов место.

В это время у Зинаиды зазвонил телефон.

— Да, да... слушаю. Алена? Ну, как и договорились. Что? Ладно, сейчас подойду.

Зинаида вышла из помещения, оставив нас с Варварой Никифоровной.

— Это дочка Зины, Алена, — объяснила Филиппова, — да вы садитесь, Татьяна Александровна. У Зинаиды тут, я смотрю, и пошивочный цех частично расположился со своей тканью. Ну, ничего, в тесноте, как говорится, да не в обиде. Садитесь, Татьяна Александровна.

Женщина кивнула на стул, стоящий рядом со столом. Сама она села на соседний стул.

— Ах, детки, детки, — вздохнула Варвара Никифоровна, — правильно говорят, что малые дети до срока, а большие — до гроба... ой, — она испуганно прикрыла рот. — Да что же это я... простите... Вы ведь, Татьяна Александровна, хотели поговорить со мной, ну об этом, о нашем директоре, Владиславе Григорьевиче, царствие ему небесное.

Филиппова перекрестилась.

— Да, Варвара Никифоровна, расскажите, как так получилось, что вы обнаружили труп Дубовицкого в его кабинете, — попросила я. — Вы, кстати, во сколько часов заступаете на вахту?

— Работа у меня начинается в восемь часов утра, Татьяна Александровна, — ответила Филиппова.

Я удивилась.

— Подождите, но ведь в полицию вы позвонили гораздо раньше, ведь так? — спросила я.

— Так. Но дело в том, что в тот день я помимо своей основной работы — сидеть на вахте — выполняла еще обязанности ночного сторожа, — объяснила женщина. — Так уж получилось, что Ольга попросила подменить ее мужа Алексея. Ольга — это моя соседка и приятельница, мы

с ней знакомы уже много лет. А Лешка — это ее муженек непутевый, алкоголик со стажем. Мучается она с ним почти всю жизнь. Так-то он мужик ничего: не вредный, не буйный, даже когда в запой уходит. А в ту ночь у него как раз запой и начался. Так вот и получилось, что я после своей работы осталась в ночь. Но мне это даже на руку было. Дело в том, что у меня свои проблемы дома остались, — Филиппова вздохнула. — У единственного сына семейная жизнь не заладилась. Представляете, мой Виктор прожил с женой восемнадцать лет, дочке его, то есть моей внучке, тоже восемнадцать недавно исполнилось. И вот появилась у него любовница Вероника, ей девятнадцать лет! Дочка и любовница почти ровесницы. Я прямо даже заболела, когда узнала. Ну вот чего ему не хватало, спрашивается? Жена, Аллочка, аккуратистка и чистюля, готовит изумительно, в доме все блестит. Так нет же! Говорит, что с ней ему скучно, а вот с Вероникой — хорошо и легко, с ней он чувствует себя молодым. Ага, молодой, как же! Боюсь я, что разойдутся они. А Вероника его бросит через какое-то время, это уж как пить дать! Вот я дома себе места и не нахожу. На работе я как-то еще отвлекаюсь и не даю грустным мыслям волю. Так что... Ой, что же это я разболталась! — спохватилась Варвара Никифоровна. — Вы уж извините меня, Татьяна Александровна, за болтливость мою.

— Ну ничего страшного, Варвара Никифоровна.

На самом деле я уже давно хотела ее остановить. Но потом подумала: пусть говорит. Человек,

когда делится своими проблемами, начинает подсознательно доверять собеседнику, расслабляется. Вдруг вахтерша вспомнит что-нибудь, что мне поможет в расследовании?

— Вы расскажите все, что касается того дня, когда произошло убийство директора, — попросила я. — Кто приходил в тот день в театр, какие разговоры вы слышали, может быть, было что-то необычное. Вспомните, пожалуйста.

— Хорошо, — кивнула Филиппова, — значит, так. В течение дня ничего такого особенного, из ряда вон выходящего, не было. Это я точно помню. Ну все, как всегда, как обычно. Кто заглядывал на вахту, вы спрашиваете? До начала спектакля тут были рабочие сцены, но они мимо проходили, каждый по своим делам. Кажется, еще электрик Денис заходил, ключи брал, ему нужно было щитки проверить. Ну, а так вроде бы никого и не было. Нет, вру, из прачечного цеха Неля подошла. Но к ней знакомая пришла, принесла какие-то вещи покрасить. У нас, знаете, кроме стирки, еще и красят костюмы, если требуется нужный оттенок. Так вот, постояла Неля со своей знакомой, поговорили они, Неля взяла сверток у нее и пошла к себе.

— Так, а что же Владислав Григорьевич? Он в тот день не появлялся в театре? — спросила я.

— Как не появлялся? Конечно, он был. Владислав Григорьевич каждый день в театр приходит... приходил. Господи, ну никак не привыкну к тому, что его больше нет... Вот жизнь-то какая! Сегодня

ходит человек, а завтра его уже нет, — женщина покачала головой.

— Так когда же Владислав Григорьевич появился в театре? — повторила я свой вопрос.

— Да... пришел он часов в десять утра, потом уезжал куда-то. Вернулся уже под вечер. Недолго он пробыл у себя, минут тридцать, наверное.

— А потом что? — спросила я.

— А потом уехал. Сказал мне «до свидания» и все.

— Как «все»? — удивилась я. — Вы сказали, что директор уехал вечером. Так?

— Да, так, все верно, — подтвердила Филиппова. — Около восьми уехал, я на часы смотрела.

— Но ведь он должен был вернуться к себе в кабинет. Ведь именно там вы его обнаружили и позвонили в полицию. Верно?

— Верно, — растерянно подтвердила Варвара Никифоровна.

— Так когда же Владислав Григорьевич снова вернулся? Во сколько это было? — еще раз спросила я.

— Ой... не помню. Вроде бы... послушайте, Татьяна Александровна, вот совершенно из головы вылетело...

Вахтерша сокрушенно покачала головой.

— Варвара Никифоровна, послушайте, это очень важно. Ведь вы все время были на вахте?

— Ну, да... была.

— Вы никуда не отлучались? — настойчиво продолжала я спрашивать вахтершу.

■ Филиппова ответила не сразу.

— Ох, Татьяна Александровна, виновата я, наверное, — наконец сказала женщина. — Ведь вышла я всего на пять минут за анальгином, тут аптека за углом. Голова разболелась, видно, от всех моих семейных переживаний. А я по опыту знаю, если сразу таблетку не принять, голова так разболится, что потом сутки будет донимать. Вот я и решила пойти в аптеку, ну дело-то уже к ночи шло. Я и подумала, что народу у нас в это время совсем не бывает, так что я не особо и нужна буду. Нет, я, конечно, понимаю, что пост свой оставлять нельзя...

— Во сколько примерно вы уходили?

— Около одиннадцати вечера. У нас буквально за углом аптека круглосуточная, я туда и побежала. Минут пять-десять меня не было всего-навсего...

— Дверь вы заперли? — спросила я.

— Да, конечно, заперла, — серьезно заявила вахтерша. — Как же иначе? Открытой-то нельзя оставить, мало ли кто войти может.

— В театре в это время кто-то оставался?

— Да нет вроде, все разошлись, — покачала головой женщина. — Но точно не скажу. Те же актеры перед серьезной постановкой, бывает, ночи напролет репетируют. Костюмеры тоже задерживаются. Да и работники сцены — то занавес поправить надо, то осветительные приборы подлатать. У нас же большая часть оборудования — рухлядь, сыпется на ходу!

— Ключи у кого-то есть? Кто-нибудь мог зайти в театр, пока вас не было на месте? — уточнила я. ■

Варианты, конечно, есть. Директор мог вернуться один, с собственными ключами. Мог — с кем-то вдвоем, скажем, с предполагаемым убийцей, и тому ключ не понадобился. А могли поодиночке, тогда у убийцы должен быть ключ. Ну или преступник затаился в здании театра, а потом каким-то образом незаметно отсюда выбрался.

— У директора ключи были, это точно. А у кого еще — не могу сказать, мне не докладывают. Я тут чужих пропускаю, ну и от кабинетов все ключики у меня висят, сдают, чтобы порядок был, — произнесла моя собеседница. — А от входа — у меня два комплекта, мой и ночного сторожа, мало ли что? У директора были. Может быть, и кто-то еще себе сделал, не знаю.

— А камеры на входе есть?

— Да они давным-давно не работают. Не камеры, а горе одно. Но положено, чтобы они были, вот и висят, а все без толку.

Филиппова опустила голову.

— Ладно, Варвара Никифоровна, чего уж теперь сокрушаться. Вы лучше вот что скажите: а мог Владислав Григорьевич пройти в свой кабинет не через служебный вход, а через парадный? — спохватилась я.

«Если нет, у меня, по крайней мере, есть прилительные временные рамки преступления».

Филиппова пожала плечами.

— Да кто его знает... наверное, мог. Он же здесь хозяин, как ему удобно было, так и прошел, — объяснила она.

«Как-то все это странно, — подумала я, — зачем Дубовицкий приехал в театр около одиннадцати часов вечера? Раньше — не проскочил бы мимо вахтерши... или все же через парадный? Если предположить, что он прошел через служебный вход именно тогда, когда Варвара Никифоровна в аптеку ходила... получается, дошел до кабинета — и его убили? Ведь именно в это время, по заключению экспертов, наступила смерть. А убийца? Он пришел вместе с Дубовицким или позже?»

— Скажите, Варвара Никифоровна, а раньше были такие случаи, что директор так поздно появлялся в своем кабинете? — спросила я.

— Ой, вот не скажу, я же не ночной сторож. Это ж меня только один раз попросили подменить, я вам рассказывала, что Ольга, моя соседка...

— С ночным сторожем как можно пообщаться?

— Я вам адресок его запишу, — схватилась за ручку вахтерша. И несчастно посмотрела на меня: — Только... не факт, что он из запоя своего вышел. Сегодня в ночь Ольга собиралась дежурить, жена его.

Я все равно взяла контакты ночного театрального сторожа — надо будет с ним пообщаться. И задала очередной вопрос:

— Вы вот еще что вспомните: в течение рабочего дня к директору кто-нибудь приходил? Ну, вот вы сказали, что мимо вахты проходили рабочие сцены, из прачечного цеха, электрик. А лично к Владиславу Григорьевичу?

— Вспомнила! — воскликнула Филиппова. — К нему приходил один бизнесмен, Подбельский Геннадий Олегович.

— Кто он такой? Чем занимается? — быстро спросила я.

— Он владеет каким-то рестораном, кажется. Или это клуб? Точно я не знаю. Но то, что он театру помогает деньгами, это я знаю наверняка. Благотворительность называется. Он за это налог меньше платит. И ему выгодно, и театру помощь большая, — объяснила Филиппова.

— А во сколько он приходил, этот Подбельский? — задала я еще один вопрос по поводу бизнесмена.

— Ну это днем было, еще до обеда, — ответила вахтерша.

— А давно он благотворительностью занимается? — продолжила расспрашивать я.

— Да пару лет точно будет. Мы благодаря его помощи смогли обновить репертуар: костюмы новые сшить, декорации, опять же, изготовить. На все ведь средства нужны, и немалые.

— Хорошо. Скажите, Варвара Никифоровна, вот вы утром обнаружили Владислава Григорьевича в его кабинете. А зачем вы туда пошли? — спросила я.

— Ну как же. Ночному сторожу положено обход утренний делать. Вот я и пошла. А потом увидела, что дверь в кабинет Владислава Григорьевича приоткрыта, и свет почему-то горит, хотя светло уж на улице было. Ну и вот... открыла я дверь пошире, а там... Ну я сразу начала в полицию звонить.

— Подождите, вы только дверь полностью открыли и на пороге остановились? Или вошли в кабинет? — уточнила я.

— Вошла в кабинет, — со вздохом ответила женщина, — хотя и с порога было видно, что он... ну, на рубашке спереди кровь видна была. И сидел он... так живые люди не сидят.

— А где, кстати, он сидел? — спросила я.

— В своем кресле. У него в кабинете широкий кожаный диван стоит, черный, а рядом с ним — кресло, тоже из черной кожи, — ответила Филиппова.

— В кресле за столом?

— Нет, за столом — специальный стул. Анатомический, крутящийся, с высокой спинкой, — откликнулась женщина. — Слева у стены кабинета диванчик, я же говорю, и рядом кресло. Он там кофе с чаем пьет... пил и разговаривал с посетителями.

— Со всеми посетителями?

— Да, даже с нами, сотрудниками, — покивала Филиппова. — Если только ругать кого собирался — за столом принимал. А так — на диван сажал.

— Понятно. Скажите еще вот что: вы слышали выстрел?

— Выстрел? — переспросила Филиппова.

— Ну да, выстрел. Дубовицкий ведь был убит выстрелом в грудь. Вы же сами сказали, что видели кровь на рубашке, — пояснила я.

— Да, конечно. Но, понимаете, Татьяна Александровна, выстрела я не слышала, — ответила Филиппова. — У нас тут, в здании, звукоизоляция

ция хорошая — все-таки, когда репетиция идет, шумно очень становится. А директорский кабинет на втором этаже. Где же я услышу?

— Ну да, — согласилась я, — вы правы.

— Татьяна Александровна, я вот что еще вспомнила. Когда я вышла в аптеку, как раз в это время у входа в театр я столкнулась с Региной, это наша уборщица, молодая девчонка, но из неблагополучной семьи. Матери у нее нет — то ли бросила ее, то ли умерла, я точно не знаю, ведь неудобно лезть в душу, — а отец у нее горький пьяница. Вот ведь! У многих судьбы прям один к одному. Что у моей соседки, что у Регины. Так я это к чему говорю. То, что я вышла в аптеку, то есть оставила свой пост, это, конечно, моя ошибка. Ведь если бы я оставалась на месте, то увидела бы Владислава Григорьевича. А может быть, и преступника. Но ведь Регина была в это время в театре. Может, она что-то видела?

— А где ее можно найти? — спросила я.

— Ну, она должна убираться сейчас. Пойдемте, я покажу, где она швабру и тряпки хранит.

Мы вышли из костюмерного цеха и снова пошли по коридору. Филиппова привела меня к двери, около которой стояла девушка лет двадцати в сиреновом свитере и черных джинсах. Невысокого роста, худощавая, немного нескладная блондинка выглядела подавленной.

— Регина! — воскликнула Филиппова, увидев девушку. — А мы как раз тебя искали! А ты как раз кстати нам повстречалась. Вот, это, — женщина кивнула в мою сторону, — Татьяна Александров-

на, она частный детектив. Ищет того, кто застрелил Владислава Григорьевича.

При этих словах девушка вздрогнула. А я насторожилась: девица просто переживает из-за убийства или испугалась?

— Ты расскажи Татьяне Александровне, видела ли ты кого-нибудь постороннего в театре, пока я была в аптеке, — попросила вахтерша.

— Никого я не видела, — буркнула Регина, глядя исподлобья.

— То есть вы хотите сказать, что в то время, когда вы находились в театре, никого постороннего не заметили? — спросила я девушку.

Она опять еле заметно вздрогнула. На этот раз и Филиппова обратила свое внимание на поведение Регины.

— Региша, ну ты чего? — ласковым тоном спросила вахтерша. — Ты чего, боишься кого-то?

Регина отрицательно покачала головой.

— Регина, скажите, а зачем вы так поздно пришли в театр в тот вечер, когда был застрелен Дубовицкий? — спросила я.

— Я ключи от квартиры в куртке забыла, — еле слышно проговорила девушка, — а куртку я в подсобке оставила, потому что жарко в тот день было. Зачем ее таскать с собой...

— А вы что, живете одна? — задала я следующий вопрос.

— Не одна, — все так же тихо ответила девушка, — с отцом. Только он в тот вечер опять напился. Я уже стучала-стучала, чуть дверь входную не расколошматила — никакого толку. При-

шлось за своими ключами идти, — объяснила Регина.

Филиппова сочувственно покачала головой.

— Регина, а вы долго были в тот вечер в театре? — спросила я.

Девушка удивленно посмотрела на меня.

— Нет, недолго. Я только взяла куртку и сразу ушла домой, чего мне еще было делать?

— Хорошо, я поняла. Регина, расскажите, что происходило в тот день, когда был убит Владислав Григорьевич, — попросила я.

— А что могло происходить? — девушка пожалла плечами. — То же, что и всегда. Каждый занимался своими делами. Я вот уборку делала, полы мыла.

— В кабинете директора? — спросила я.

— Нет, я в кабинетах не убираюсь, я коридоры мою, — ответила девушка.

— Да, в кабинетах у нас другие убираются, — подтвердила Варвара Никифоровна.

— Может быть, вы, Регина, видели кого-нибудь постороннего? — продолжала я расспрашивать девушку.

— Да некогда мне разглядывать, кто посторонний, кто — нет! — вдруг почти выкрикнула уборщица. — Я уборкой занимаюсь. А не бездельем маюсь, вот!

— Регина, ты чего это? — удивленно спросила Варвара Никифоровна. — Чего ты так резко отвечаешь-то?

— Да потому что надоело все, тетя Варя! — сказала девушка и закрыла лицо руками. — Что ни

день, то ходят, расспрашивают! Как будто, если я... если у меня... семья такая, то я... Ничего я не видела!

— Ну, ладно, успокойся, — Филиппова погладила ее по плечу и выразительно посмотрела на меня.

Я тоже поняла, что в таком состоянии, в котором сейчас находилась девушка, от нее вряд ли можно было добиться вразумительных ответов на вопросы. И теперь ее реакция вполне объяснима. Уборщица, девушка из неблагополучной семьи, вряд ли тепло относится к правоохранительным органам. А Кирины ребята работают на совесть — могли и впрямь девушку потрепать допросами-расспросами. Кому такое понравится?

— Регина, — обратилась я к уборщице, доставая из сумки визитку и протягивая ее ей, — вот мои координаты, если что-нибудь вспомните, позвоните мне.

— Ладно, — нехотя проговорила Регина и взяла визитку.

— Варвара Никифоровна, а кто сейчас исполняет обязанности Владислава Григорьевича? — спросила я вахтершу.

— Константин Владимирович Трегубенков, заместитель Владислава Григорьевича по хозяйственной части, — сказала Филиппова. — Точнее сказать, заведующий административно-хозяйственной частью, вот как называется его должность.

И снова Регина странно отреагировала на эту реплику. Ее лицо болезненно передернулось.

«Что с ней происходит? — подумала я. — Ее поведение очень странно выглядит. Как будто бы девушка чего-то или кого-то опасается. И она явно знает больше, чем говорит».

— Да, скорее всего, Константин Владимирович, — продолжала Филиппова. — Я так думаю. А кому же еще? Правда, есть еще художественный руководитель театра — Валериан Тимофеевич Владимирцев. Но вряд ли он будет временно заменять Владислава Григорьевича. Во-первых, он еще молодой, а во-вторых, Валериан Тимофеевич очень далек от хозяйственных проблем театра. Он человек творческий. Вот что-то новое поставить на сцене, в этом он, конечно, мастер.

— А он сейчас в театре? — спросила я. — Константин Владимирович?

— Да, конечно, — ответила Филиппова, — я видела его. Сейчас он за двоих работает, пока нового директора не назначили.

— А где находится его кабинет? — спросила я.

— Да вот надо будет пройти по коридору прямо, потом завернуть направо, там будет лестница, по ней подняться надо будет на второй этаж... ой, проще проводить туда, чем объяснять. Региша, проводи Татьяну Александровну, — обратилась вахтерша к девушке, которая продолжала стоять рядом с нами.

— Нет! — снова чуть ли не выкрикнула Регина и уже тише добавила: — Теть Варя, не могу я, что-то плохо мне, пойду домой, прилягу.

— Конечно, конечно, ступай, отдохни, выспись. Я сама покажу дорогу Татьяне Александровне.

— Ох, беда с ней, — провожая взглядом поспешно уходящую девушку, проговорила вахтерша, — хотя что можно ожидать хорошего от жизни с отцом-алкоголиком. Ну, пойдёмте, Татьяна Александровна, я покажу вам, где находится кабинет Константина Владимировича.

Сначала я хотела более подробно расспросить эту странно ведущую себя девицу. Но потом решила, что лучше побеседовать с ней еще раз, отдельно. Мало ли, не захочет она тайнами делиться при вахтерше, которая еще и соседка. А наедине... может, и найдем общий язык.

Мы с Варварой Никифоровной пошли по коридору, миновав костюмерный цех, где недавно я задавала ей вопросы по поводу убийства директора, потом дошли до лестницы и поднялись на второй этаж. Мы прошли еще немного.

— Вот здесь кабинет Владислава Григорьевича, — сообщила Филиппова, кивнув на дверь, мимо которой мы прошли. — А кабинет Константина Владимировича подальше будет.

Я машинально подергала дверь кабинета директора. Заперто, как и следовало ожидать. Конечно, после работы полиции там искать особо нечего, но заглянуть не помешает. Но — без свидетелей, пожалуй.

Мы прошли площадку, которая, насколько я поняла, разделяла здание театра на две части. ■

На одной из ее стен висела большая фотография в траурной рамке.

Варвара Никифоровна тяжело вздохнула.

— Надо же, какая ужасная смерть. А ведь он совсем молодой был, Владислав Григорьевич. Ну, что такое сорок два года? Тем более для мужчины. У него столько планов было, столько задумок! С его энергией можно было горы свернуть. Да, чего уж теперь говорить.

Сорок два? Ну надо же, значит, Екатерине всего 27 лет, моя ровесница. Меня это удивило: обычно я до такой степени не ошибаюсь в определении возраста человека. Женщина серьезно вымоталась? Да и стресс, наверное...

Я взглянула на фотографию директора. Да, выглядел он довольно молодо. У него было волевое лицо, пронзительный, можно сказать, орлиный взгляд и пышная шапка темных волнистых волос.

Оставив позади кабинет ныне покойного директора, мы прошли дальше. Расположение директорского кабинета я запомнила. Вряд ли, конечно, после полицейских криминалистов что-то смогу обнаружить, но попытаться стоит. Только без лишних свидетелей в лице Варвары Никифоровны.

По обе стороны коридора располагались двери, как я поняла, персонала театра: кабинет главного дирижера, художественного руководителя, заведующего литературной частью, еще какие-то помещения, уже без опознавательных знаков.

Некоторые из дверей были приоткрыты, и оттуда доносились голоса работников театра.

Я услышала обрывки разговоров, которые велись в комнатах. Рефреном звучали слова: «ужас», «кошмар», «какая ужасная смерть». Нетрудно было догадаться, что обсуждалось недавно произошедшее убийство директора театра.

Наконец Филиппова подвела меня к двери, на которой было написано: «Заведующий административно-хозяйственной частью Трегубенков К.В.». За дверью мужские голоса, практически перекрывая друг друга, что-то очень эмоционально выясняли.

— Ну вот, это кабинет Константина Владимировича, — сообщила вахтерша, остановившись у двери. — Ой, Константин Владимирович, кажется, занят. У него кто-то есть в кабинете. Вы уж сами дождитесь, Татьяна Александровна, когда Константин Владимирович освободится, а то неудобно сейчас входить к нему. А я пойду на вахту. Извините.

— Вам не за что извиняться, Варвара Никифоровна, — сказала я, — вы и так доставили меня до места назначения. Спасибо.

Филиппова кивнула и пошла. А я подошла к двери вплотную.

— Константин Владимирович, да откуда мне знать? — раздраженно произнес мужчина.

— Как это откуда вам знать, уважаемый Валериан Тимофеевич? — удивленно спросил другой мужчина. — Вы являетесь художественным руко-